

ВЛАДИМИР
ШИГИН

исторический роман

Адмирал
НЕЛЬСОН

Владимир Виленович Шигин
Адмирал Нельсон
(Собрание сочинений)
Серия «Великие флотоводцы мира»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167873

Адмирал Нельсон: АСТ;

Аннотация

Со смерти Нельсона минуло уже два столетия, но имя его и сегодня известно каждому. В Англии же оно – среди самых уважаемых. Трафальгарская площадь, Нельсоновская колонна и застывший на вечной стоянке корабль – памятник «Виктори» – все это дань памяти флотоводца от благодарных потомков. Британский национальный морской музей давно превращен в храм поклонения любимому герою.

Он был вовсе не тем святочно-сусальным героем, каким его представляют ныне его соотечественники. Он бывал наивен и корыстен, жесток и коварен, любил деньги и непомерные почести, искал покровительства и был карьеристом. Жизнь его полна не только взлетов, но и падений. Однако он обладал удивительной способностью и собственные недостатки обращать на пользу своей популярности. Даже скандальные отношения с леди Гамильтон принесли Нельсону не меньше посмертной славы, чем его боевые дела.

И все же почему именно Нельсона и сегодня моряки всего мира почитают как одного из самых выдающихся флотоводцев всех времен и народов? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Только Нельсону было суждено дать противнику генеральные морские сражения: при Абукире, Копенгагене и Трафальгаре, каждое из которых завершилось полным уничтожением неприятельского флота и имело важнейшие стратегические последствия не только для Англии, но и для всей Европы. Многие адмиралы до и после Нельсона одерживали не менее громкие и славные победы, но никто, кроме него, не смог сделать этого трижды...

Биографы Нельсона рассказывают, что когда после его смерти тело вскрыли, то оказалось, что у Нельсона очень маленькое сердце. Это лишний раз доказывает, что беззаветная храбрость, как и способность беззаветно любить, могут жить даже в самом маленьком сердце.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Шигин

Адмирал Нельсон

© Владимир Шигин, 2020

Глава первая

Юность на палубе

29 сентября 1758 года в семье приходского священника забытого богом и людьми местечка Бернем-Торп, что в графстве Норфолк на крайнем северо-востоке Англии, родился мальчик, которому судьба уготовила самые невероятные подвиги и всемирную славу. Родившегося мальчика нарекли Горацио, и был он шестым ребенком в семье.

Отец ребенка, преподобный Эдмунд Нельсон, служил священником в соседнем городишке Хилборо. Род Нельсонов издревле был богословским. Священниками служили уже три поколения мужчин этой семьи. Что касается преподобного Эдмунда, то он искренне верил в Бога, любил порядок во всем, отличался суровостью и рассудительностью. Детей, а их у священника было одиннадцать, он воспитывал предельно строго. Суровый родитель запрещал детям сидеть, облокотившись на спинку стула, носить очки, считая это баловством.

– В моем доме никогда не будет прибежища непостоянству, этому божеству для многих! – говорил он в назидание домочадцам. – Свежий воздух, физические упражнения и образование – вот противоядие от коварного эгоизма, которым отравлены все и вся!

Окончивший в свое время Киз-колледж Кембриджского университета, Эдмунд Нельсон считал себя не только священником, но и истинным джентльменом и даже отчасти ученым. В отличие от большинства священников того времени Нельсон не обладал состоянием, а унаследовал от отца лишь небольшой, в тридцать акров, кусок земли, с которого и кормился.

Медлительный и чудаковатый, высокий и сторбленный, с непропорционально длинными руками и седыми волосами до плеч, он заметно выделялся среди остальных обитателей Бернем-Торпа.

18-летняя Екатерина Саклинг, будущая мать лорда Нельсона. Художник Д. Т. Хейнс

Супруга преподобного Нельсона Кэтрин была дочерью Мориса Саклинга, каноника Вестминстерского аббатства. Кроме этого, как выяснили историки, она приходилась внучатой племянницей сэру Роберту Уолполу, многолетнему премьер-министру королевской династии ганноверских Георгов. Трудно сказать, почему, имея столь благородное происхождение, ее семья остановила свой выбор на бедном сельском священнике. Возможно, Кэтрин Саклинг покорили личные качества Нельсона, возможно, тому были какие-то иные причины. Так или иначе, но она вступила в брак с Эдмундом Нельсоном, и этот брак оказался весьма прочным. Следует заметить, что супруг весьма гордился благородным происхождением своей жены. Когда, к примеру, умер старший представитель клана Саклингов, граф Ордфорд, Нельсон заставил всю семью надолго облачиться в траурные одежды. Да и своего шестого ребенка преподобный Эдмунд назвал Горацио в честь его крестного отца – второго барона Уолпола. Упрекать Эдмунда в столь чрезмерно учтивом отношении к родне своей жены вряд ли стоит. Умный священник понимал, что в жизни его детям придется нелегко без поддержки родственников. В роду самого Нельсона влиятельных людей не было, зато таковые имелись в роду жены, а потому он, отец многочисленного семейства, стремился всеми силами заручиться дружбой влиятельных Саклингов, чтобы те в будущем не оставили его детей. Как показало время, расчет дальновидного Эдмунда Нельсона оказался на

редкость верен.

Отец лорда Нельсона преподобный Эдмунд Нельсон

Художник Бичи У. (1800 год)

И сам преподобный, и его супруга были людьми весьма слабого здоровья. Не способствовал здоровью и промозглый климат Бернем-Торпа, а потому и дети их рождались слабыми и больными. Трое из них умерли уже в самом раннем детстве. Что касается маленького Горацио, то он родился столь слабым, что отец с матерью поспешили его крестить уже на десятый день, на тот случай, если жить ему суждено недолго.

Горацио выжил, однако рос на редкость хилым и болезненным. Остаток здоровья забирала местная болотная лихорадка. Однако родина всегда остается родиной, места, которые посторонним кажутся безобразными и унылыми, вызывают у тех, кто здесь родился, самое искреннее умиление и восторг.

Дом в местечке Бернем-Торп, где в 1758 году родился Горацио Нельсон. Художник Ф. Пококк

Английский биограф нашего героя Г. Эджингтон пишет: «Бернем-Торп – сонная, захолустная, старинная деревушка в графстве Норфолк – приютилась на краю огромных солевых болот вокруг залива Уош. Здесь чувствуется та особая атмосфера, которую сохранили медвежьи углы, далекие от современной жизни и до сих пор похожие на картины Кон-

стебля. Трудно представить себе место, более контрастное шумным и грязным морским портам Англии восемнадцатого века... Тишину и покой Бернем-Торпа нарушали только голоса сельских жителей да поскрипывание крыльев ветряной мельницы. Всю свою последующую жизнь Горацио вспоминал эти мирные звуки и скучал по ним.

Местность представляла собой плоскую равнину, насквозь продуваемую пронзительными ветрами с Северного моря. Маленький Горацио любил бродить по тропинкам, причудливая вязь которых приводила его к морю, шумевшему всего в двух милях от дома. Там, сидя на гребне песчаной дюны, он следил за крохотными суденышками, деловито бороздившими море и снабжавшими прибрежные города всем необходимым. Ближайший к деревне порт, Овери Стейз, расширял его представления о море: там он видел пассажирские суда из Лондона, Ньюкасла и Гулля... Усадьба священника, в которой рос Горацио, представляла собой два стоящих под углом друг к другу дома, очень простых, крытых красной черепицей, расположенных на тридцати акрах фамильной земли, по которой протекал речей. «Прелестные поля и луга, открывающиеся взору», – так описывал ее преподобный Эдмунд».

По воспоминаниям современников, Горацио Нельсон был весьма мал ростом и очень тщедушен, однако эти внешние недостатки возмещались живостью характера. Односельчане даже много лет спустя помнили его, маленького и непосед-

ливого, в зеленом сюртучке, пускающего с мальчишками в придорожной луже бумажные кораблики. Другьями будущего флотоводца были большей частью мальчишки-подпаски с ближайших ферм, а потому понимание простого люда, к которому отчасти принадлежал и он сам, было присуще Нельсону с раннего детства. Из братьев и сестер более всего Горацио дружил с братом Уильямом, который был на год старше его.

Семейная хроника Нельсонов сохранила сентиментальное воспоминание о том, как однажды маленький Горацио стал причиной невероятного переполоха: он без спроса ушел с приятелем собирать птичьи яйца и не вернулся к ужину. Дело в том, что как раз в то время неподалеку расположился цыганский табор и домашние не без основания боялись, как бы те не украли ребенка, что в те времена было делом весьма не редким. Уже в сумерках пустились на поиски. Бабушка Горацио нашла его на берегу ручья, через который малыш не мог переправиться. Обрадованная, она спросила не менее обрадованного внука:

– Горацио, неужели даже страх и голод не заставили тебя идти домой?

– Страх? – будто бы переспросил ее маленький Нельсон. – А кто это такой? Я никогда его не видел!

Бабушка начала было объяснять, но Нельсон никак не мог понять и все спрашивал:

– Какого он цвета? А он большой?

Остался в семейных преданиях и такой случай. Когда подросший Горацио был определен в частную школу Пастон в Норт-Уолше, то сумел отличиться храбростью и там. Дело в том, что у директора школы был сад с грушевыми деревьями. Сад окружала высокая стена, а сочные плоды являлись заветной мечтой всех учеников. Лезть в сад мальчишки, однако, боялись: их могли поймать и наказать. Не побоялся лишь маленький Нельсон. Перебравшись через стену, он оборвал практически все деревья и выложил перед друзьями целый мешок спелых груш. Сам он от груш отказался, сами по себе они его не интересовали. Впоследствии Нельсон рассказывал, что совершил свой дерзкий рейд в директорский сад только потому, что остальные струсили. Разумеется, директор, увидев утром свой сад обчищенным, пришел в ярость. Но все его дознания завершились ничем: Нельсона никто не выдал.

В другой раз, после зимних каникул, Горацио с братом Уильямом отправились в школу на лошадях. Но отъехать далеко от дома не смогли: начался сильный снегопад и они вернулись. Осторожный Уильям посчитал, что лучше остаться дома и переждать непогоду. Выслушав детей, Эдмунд Нельсон заподозрил, что причиной возвращения стало просто нежелание ехать в школу, и назидательно сказал:

– Если дело обстоит именно так, то мне нечего вам возразить. Однако попытайтесь доехать еще раз. Я надеюсь, что чувство чести не позволит вам снова вернуться без крайней

на то необходимости.

Вторая попытка была не менее трудной, чем первая. Уильям несколько раз убеждал младшего брата вернуться, но тот был упрям.

– Помни, что сказал нам отец: доехать до школы для нас – дело чести! – ободрял он Уильяма.

На этот раз мальчики успешно доехали до пункта назначения.

* * *

Любопытно, что в подростковом возрасте Нельсон почему-то стеснялся своего достаточно помпезного имени и однажды, присутствуя на свадьбе в качестве свидетеля, расписался в церковной книге как Хорас Нельсон. Отец, заметив это, тут же исправил подпись, но в семье после этого Нельсона-младшего еще долго звали Хорасом.

Увы, детство нашего героя не было безоблачным. В канун Рождества 1767 года после долгой болезни в возрасте сорока двух лет умерла мать Горацио Кэтрин Нельсон, а спустя неделю, не пережив смерти своей любимой дочери, скончалась и ее мать. Безутешному Эдмунду Нельсону пришлось отпевать сразу двух близких ему женщин: жену и тещу. Горацио тогда только исполнилось девять лет, но любовь к матери он пронес через всю свою жизнь. Многие годы спустя он всегда вспоминал о ней с любовью и даже свою ненависть к

французам объяснял тем, что его «матушка терпеть не могла французов».

Смерть хозяйки дома резко изменила уклад жизни семейства Нельсонов. Восемь детей, младшая из которых, Кэтти, была еще грудным ребенком, требовали больших забот, да и прокормить такое семейство тоже было делом далеко не простым. Во многом помогали соседи, уважавшие своего священника, но основные заботы все же легли на плечи самого Эдмунда Нельсона. Вероятно, выходом из создавшейся ситуации была бы новая женитьба. Но Эдмунд Нельсон так и не женился. Возможно, потому, что слишком любил свою жену, возможно, потому, что, обремененный детьми и не имевший состояния, не был завидным женихом для местных дам. Позднее в своих воспоминаниях об этом времени Эдмунд Нельсон скажет:

– У меня было только единственное желание – сделать так, чтобы детям было уютно рядом со мной и чтобы они не забывали обо мне на расстоянии, а уж если мне выпало на долю проявлять любовь и заботу за двоих родителей, то пусть дети в будущем простят меня за то, что я не совсем оправдал их надежды, ибо задача оказалась для меня слишком трудной!

Однако надо было думать, как устраивать детей в жизни. И здесь не обошлось без самой активной поддержки братьев Кэтрин Нельсон – Мориса и Уильяма Саклингов, имевших достаточно обширные знакомства в Лондоне. И если первый был к тому времени одним из известных своими победами

флотских капитанов, то второй занимал видную должность на столичной таможне.

Первым определили «в люди» старшего из сыновей Эдмунда Нельсона – Мориса. Его пристроил клерком в свою таможню дядюшка Уильям. Старшая дочь, Сузанна, по его же протекции поступила работать продавщицей в известный частный магазин и вскоре стала женой его хозяина, предприимчивого и процветающего торговца. Следующий из сыновей (чьего имени биографы Нельсона почему-то упорно не называют) поступил было учиться на священнослужителя, но вскоре умер после буйного пиршества у одного из знакомых фермеров. Сын Уильям, также по протекции дядюшек, нашел себе место клерка в одном из столичных учреждений.

Что касается Горацио, то он отучился в двух школах: в начальной Даунем-Маркет и Пастон и в средней школе в Норвиче. К моменту окончания школы Нельсон уже изучил Шекспира и знал основы латыни, но никакой склонности к наукам не проявил. Это значило, что путь к уважаемым профессиям ему заказан. Не проявлял усердия Гораций и в изучении Закона Божьего. У Эдмунда Нельсона не было средств, чтобы купить сыну патент на офицерский чин, что было тогда в Англии делом весьма распространенным. Оставалось последнее – военно-морской флот. Однако слабое здоровье Горацио вызывало у отца понятные опасения. Но делать было нечего. Тем более что в один из своих приездов в Бернем-Торп капитан Морис Саклинг обещал помочь

устроить на флот того из своих племянников, кто выразит к этому желание.

Капитан Морис Саклинг был фигурой весьма заметной в тогдашнем британском флоте. Английские историки отмечают его высокий профессионализм, чувство такта, юмор и большую предприимчивость. Отличившись в сражениях Семилетней войны, Саклинг сумел обзавестись столь обширными знакомствами, что ему мог бы позавидовать не один адмирал. В семье Нельсонов, как один из самых значительных праздников, отмечалась ежегодная годовщина победы дядюшки Мориса в Вест-Индии. Тогда, в 1757 году, капитан Саклинг во главе отряда из трех фрегатов вступил в сражение с семью французскими судами у мыса Франсуа и обратил их в бегство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что храбрый дядюшка Морис был идеалом для маленького Горацио. Но в рассказах дяди прельщало юного Нельсона и еще кое-что. Дело в том, что офицеры флота во время частых в то время войн имели право на немалые деньги от захваченных ими неприятельских судов. Многие за несколько лет становились настоящими богачами.

Немало стоило и конвоирование торговых судов, хозяева которых также не скупались на оплату военным, охранявшим их груз.

Капитан Морис Саклинг (1726 – 1778)

Весной 1770 года Горацио Нельсон прочитал в газете, что Морис Саклинг только что назначен капитаном 64-пушечного линейного корабля «Резонабль», недавно захваченного у французов, и теперь активно готовит его к предстоящим боям с испанцами. Это был шанс, и Горацио решил его не упускать! Отец в это время лечил застарелые болезни в не столь отдаленном курортном городишке Бат. Гораций тут же побежал к старшему брату Уильяму и попросил его написать отцу, что он хочет служить у дядюшки Мориса.

Известие о желании Горацио податься в моряки немало удивило преподобного Эдмунда, однако он все же написал письмо своему шурину. Не менее Эдмунда был удивлен решением хилого Горацио и сам дядюшка Морис. Помня о своем обещании, он сразу же согласился взять племянника к себе на корабль, но не удержался от того, чтобы не написать Эдмунду достаточно мрачные строки: «Чем провинился бедный Горацио, что именно ему, самому хрупкому из всех, придется нести морскую службу? Но пусть приезжает. Может, в первом же бою пушечное ядро снесет ему голову и избавит от всех забот!»

* * *

Итак, судьба Горацио Нельсона была решена. И вот однажды в частной школе в Норт-Уолшеме появился старый слуга Нельсонов. Он передал директору, что получено пись-

мо, в котором дядя мальчика пишет, что готов принять Горацио к себе, и поэтому Нельсону следует немедленно отбыть в порт Чатем, что в устье реки Мидуэй, – там корабль Саклинга вскоре должен встать на якорь.

Стояла ранняя весна 1771 года, и Горацио Нельсону исполнилось всего лишь полных двенадцать лет.

Как вспоминал впоследствии Уильям Нельсон, расставание с братом было грустным для обоих. Мальчики плакали и долго стояли обнявшись. Эдмунд Нельсон проводил сына до Лондона, усадил Горацио в дилижанс, следующий в Чатем, и благословил на дорогу. Отныне ребенок был уже предоставлен сам себе.

В портовом Чатеме маленького Нельсона, разумеется, никто не ждал. Он долго бродил по порту, стесняясь спросить, где находится линейный корабль «Резонабль», пока окончательно не замерз. Наконец на несчастного ребенка обратил внимание один из проходивших мимо офицеров. Расспросив Нельсона, кто он, откуда и что делает здесь, офицер сказал, что хорошо знаком с его дядей, и повел к себе домой. Накормив и обогрев мальчишку, он затем отвел его на «Резонабль».

На корабле выяснилось, что капитан в отъезде и никто ничего не знает о приезде его племянника. Предоставленный и там самому себе, Нельсон целый день мерил шагами палубу, пока его не взял под свою опеку до возвращения капитана один из офицеров. Наконец капитан Саклинг прибыл и пле-

мянник-юнга был обустроен. Морская наука началась с изучения корабельного жаргона. Запомнить пришлось немало, ведь это был, по существу, свой язык, малопонятный сухопутным людям. И дело было даже не в морских терминах, а, казалось бы, в самых простых понятиях. Камбуз, к примеру, именовался не иначе как адский ящик, океан – рассолом, корабельный лекарь – костью, камень, чтобы драить палубу, – библией, а линейный корабль – боевой повозкой. Пришлось и «сбегать к боцману за якорными часами». Это была старая корабельная шутка, аналогичные ей существовали и в российском флоте, например: сгонять «поточить якорь» или «попить чай на клотике».

В те дни «Резонабль» готовился выступить под парусами в составе Атлантической эскадры, идущей отвоевывать для британской короны захваченные испанцами Фолклендские острова. Вообще-то, честно говоря, англичане имели на этот отдаленный южно-атлантический архипелаг прав куда меньше, чем те же испанцы, но это никого в Лондоне не смущало. Архипелаг был нужен англичанам как морская база на пути в Южную Африку и в Индию. Для судов там был построен небольшой порт Эгмон. Испанцы посчитали это агрессией. В 1767 году на архипелаг был высажен десант, порт Эгмон захвачен, а англичане изгнаны. Губернатор Буэнос-Айреса (в чьем ведении оказались острова) получил указание решительно пресекать все попытки англичан вернуться на архипелаг. Лондон возмутился, но мадридские бурбоны немед-

ленно получили поддержку из Парижа. Начались приготовления флотов, в Европе назревала новая война.

(Упорство Англии в отстаивании своих весьма сомнительных претензий на Фолклендский архипелаг продолжалось и до нашего времени. В 1982 году это привело к конфликту между Англией и Аргентиной, которая попыталась установить свое господство над архипелагом. В ходе начавшихся боевых действий решающую роль сыграли военно-морские флоты враждующих государств. Несмотря на большие потери в корабельном составе победа осталась за Англией, которая ныне и владеет Фолклендами.)

Непрочный мир 1763 года, казалось, висел на волоске. Первыми опомнились испанцы, посчитавшие, что Фолкленды не стоят большой драки. В конце концов за дело взялись дипломаты и конфликт между державами был предотвращен. С точки зрения политики фолклендский конфликт имел для Англии большое значение, так как впервые после Семилетней войны (1756–1763) явился демонстрацией военной мощи первой из морских держав мира.

Во второй половине XVIII века экономическая и морская мощь Англии была в зените. Промышленная революция и огромные колонии приносили прибыль и толкали на новые захваты. Сокрушив в XVI веке морскую мощь Испании, а в XVII – Голландии, к XVIII веку Англия оказалась лицом к лицу с первой континентальной европейской державой – Францией. Семилетняя война явилась первой пробой сил,

так и не выявившей победителя. Теперь обеим державам нужен был лишь подходящий повод. На сей раз мир спасло благородие испанцев, которому как в Лондоне, так и в Париже были не слишком рады. А потому было очевидно, что рано или поздно, но столкновение двух могучих недругов все же обязательно произойдет.

Пока же поход британского флота в Южную Атлантику был отменен. Часть кораблей, и в том числе «Резонабль», сразу же была поставлена на консервацию. Без работы оказался и капитан Морис Саклинг, и его маленький племянник.

Впрочем, связи Саклинга сделали свое дело, и вскоре в отличие от многих таких же, как и он, капитанов дядюшка Морис получил под свою команду 74-пушечный линейный корабль «Триумф», определенный для несения дозора в устье Темзы. Разумеется, для предприимчивого Саклинга это было прозябанием, но приходилось радоваться и такому назначению. Впрочем, более, чем о себе, Саклинг волновался о племяннике. Никчемное и утомительное времяпрепровождение в устье Темзы не могло ничего дать юному моряку, кроме как навсегда внушить отвращение к морской службе. Поэтому капитан Саклинг подыскивает племяннику более подходящее и интересное место. Он определяет его юнгой к своему старому товарищу Джону Ратборну, не так давно уволившемуся с военной службы и капитанствующему на частных торговых судах. За несколькими стаканами доброго

рома дальнейшая перспектива службы Горацио была решена.

– Ты верно поступил, решив сразу же сделать из мальчишки моряка синей воды, а не береговую крысу! – одобрил решение Саклинга его товарищ.

«Моряками синей воды» в Англии издревле называли тех, кто ходил в далекие океаны, а не отирался в каботажных рейсах.

Капитан Ратборн собирался идти в Вест-Индию, и такое плавание могло стать прекрасной школой для начинающего моряка.

Все систематическое образование Нельсона ограничилось начальной школой и годом обучения в частной школе, а потому до конца своих дней он будет писать с чудовищным количеством ошибок, не соблюдая элементарных правил грамматики. Отныне все свои знания Нельсон будет приобретать только сам. Такова была воспитательная система британского флота того времени. Она не могла дать сколько-нибудь образованных и развитых моряков, однако приобщение с детских лет к морской службе делала из молодых людей прекрасных профессионалов.

(Впоследствии Нельсон весьма обоснованно считал, что брать на флот будущих офицеров все же следует в более старшем возрасте. Уже будучи адмиралом, Нельсон как-то заметил одному из своих мичманов, что тот, видимо, начал свою службу довольно молодым. «В одиннадцать лет,

милорд!» – гордо ответил тот. «Слишком рано!» – ответил Нельсон.)

Именно в этом годичном рейсе на торговом бриге получил свои первые практические знания в морском деле и юный Нельсон. При этом Ратборн всегда держал мальчика при себе, уделяя его воспитанию и обучению самое пристальное внимание. Однако делал он это с учетом своего собственного жизненного опыта. Впоследствии Нельсон вспоминал о своем первом плавании в Вест-Индию: «Если я и не преуспел в своем образовании, то, во всяком случае, приобрел много практических навыков, отвращение к Королевскому флоту и усвоил девиз, популярный среди матросов: “В борьбе за награды и славу вперед, отважный моряк!” Прошло много времени, прежде чем я смог хоть как-то привыкнуть к боевому кораблю, настолько глубоко укоренилось предубеждение. Да ведь и усилия, предпринятые, чтобы отравить молодой ум, были немалыми!»

Прощаясь со своим маленьким воспитанником, капитан Ратборн ласково потрепал его по голове и пробурчал, не вынимая изо рта трубки:

– Желаю тебе, малыш, как можно скорее попасть на ют!

На английском морском жаргоне это означало: как можно скорее стать офицером.

– Спасибо, сэр! – пролепетал маленький Нельсон. – Уверю вас, что вы никогда не разочаруетесь во мне!

* * *

По окончании рейса в Вест-Индию дядя снова забрал Горацио в военно-морской флот, устроив вестовым на один из кораблей. Однако на нем Нельсон пробыл недолго. Обязанности вестового не слишком привлекательны даже для столь юного моряка, и Саклинг забирает племянника к себе на «Триумф», но теперь уже в качестве мичмана.

Мичман (1799)

– Теперь ты стал настоящим «херувимом»! Так у нас в шутку именуют самых молодых офицеров! – дружески подмигнул он растерянному племяннику.

Здесь необходимо некоторое отступление. Дело в том, что в российском и английском флотах во второй половине XVIII века системы подготовки офицерских кадров сильно различались между собой.

В России еще со времен Петра Великого корабельных офицеров готовили в специальных учебных заведениях, главным из которых был Морской корпус в Санкт-Петербурге. Там кадеты, набираемые из дворян, изучали как общеобразовательные, так и морские науки. Ежегодно летом кадетов вывозили в море для занятий по морской практике. После основного теоретического курса, который в разное время составлял от трех до пяти лет, следовала годичная и более практика на кораблях в предофицерском чине гардемарина. Не сдавший выпускных экзаменов вообще не мог получить офицерского чина, а потому некоторые кадеты учились в корпусе чуть ли не по десятку лет, а то и вовсе исключались за неспособностью к наукам.

Производству в первый офицерский мичманский чин предшествовал весьма серьезный экзамен, по итогам которого (от этого зависело старшинство в чине) происходило распределение по кораблям и судам российского флота. Си-

стема подготовки офицеров в российском флоте оказалась столь продуманной и удачной, что практически без изменений (за исключением учета старшинства) существует и по настоящее время.

В Англии в XVIII веке, несмотря на наличие сильного флота и достаточно древних традиций, система подготовки офицеров была самая архаичная. При этом, невзирая на огромное значение флота для островного государства, отношение к нему по сравнению с армией было не слишком государственным. Целенаправленно и централизованно морских офицеров в Англии никто и нигде не готовил. Мальчики из дворянских семей просто-напросто отдавались родителями на корабли. Если у семьи были какие-то знакомства или родственные связи, то детей старались направить к знакомым или родственникам, если не было ни тех ни других, направляли куда придется. Мальчики получали мичманский чин, который не считался офицерским. На иных кораблях порой скапливалось до нескольких десятков таких малолетних мичманов, с которыми капитаны не знали что делать. Живя в кошмарных условиях скученности, драк и пьянства, мальчики должны были не только нести корабельную службу, но и заниматься самообразованием, чтобы по достижении двадцати лет сдать экзамен на лейтенантский чин. Рассчитывать они при этом могли только на себя. Судьба будущих офицеров во многом зависела от того, к какому капитану они попали. Если капитану было наплевать на мальчишек,

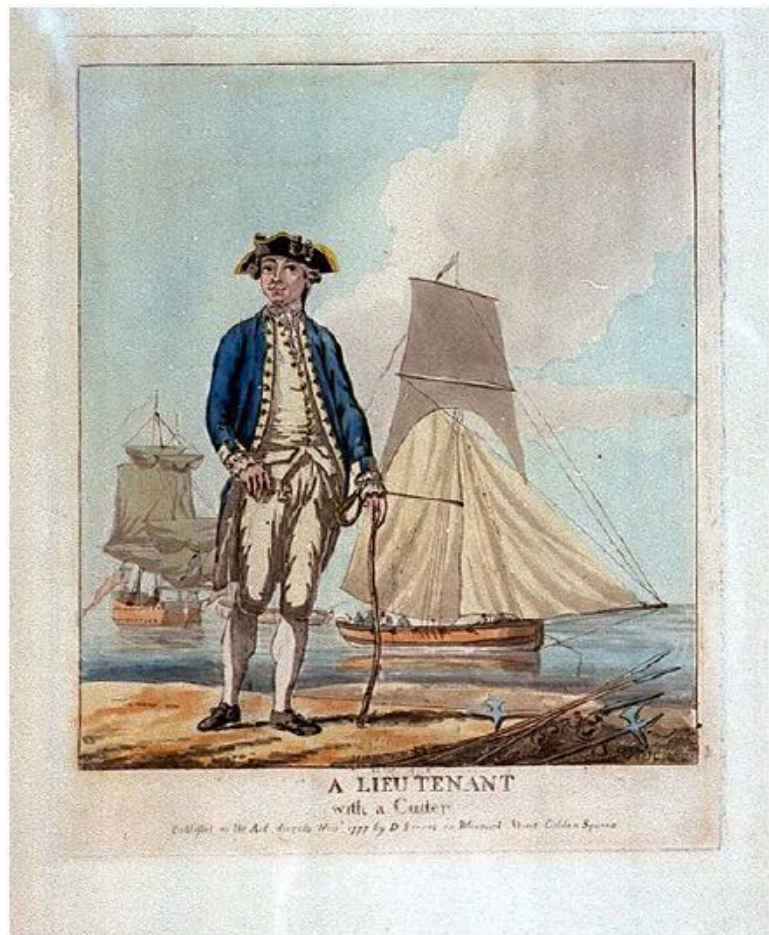
то судьба их была не слишком завидной. Если же попадался капитан, интересующийся завтрашним днем флота, уделяющий внимание своим мичманам и даже проводящий с ними занятия, то только в этом случае мальчики могли рассчитывать на офицерский чин. При этом по старой традиции одновременно с лейтенантством присваивали и звание... магистра искусств.

Что касается Нельсона, то ему, разумеется, повезло. О такой поддержке, какая была у него, мог в то время мечтать каждый из поступающих на флот. Традиционно в английской литературе, посвященной Нельсону, о роли капитана Саклинга в его судьбе упоминается вскользь, упор всегда делается на выдающиеся личные качества Горацио, которые проявились у него в самом юном возрасте и обеспечили ему столь стремительную карьеру. Будем справедливы: талантливых моряков в британском флоте всегда было немало, однако мало кто из них имел такого влиятельного покровителя, какого имел Нельсон.

(Стоит вспомнить российского адмирала С. К. Грейга, шотландца по происхождению, так и не сумевшего продвигаться в английском флоте дальше лейтенанта. Только переход в российский флот обеспечил полное раскрытие его талантов.

Не лучше складывалась и судьба знаменитого английского мореплавателя Д. Кука, который к сорока годам едва дослужился до лейтенанта. Подобные примеры можно продол-

ЖИТЬ.)

Лейтенант (1777)

Несмотря на то что «Триумф», как и год назад, нес дозорную службу у берегов метрополии, капитан Саклинг настойчиво занимался морским образованием племянника. Изучением навигации он заинтересовал Нельсона, пообещав, что в этом случае разрешит ему самостоятельное управление корабельным баркасом. Под руководством дядюшки и некоторых офицеров Горацио вскоре овладел основами навигации и морской астрономии, научился читать карту и исполнять обязанности канонира. Помимо этого дядюшка приставил Нельсона к корабельному ревизору, и тот посвятил юношу во все тонкости корабельного снабжения и хранения припасов.

Вскоре Горацио уже получил в свое распоряжение обещанный баркас и смог вдоволь ходить на нем в устьях Темзы и Мидуэя. Впоследствии ему пригодилось как умение управлять малыми парусно-гребными судами, так и знание прибрежных вод Темзы.

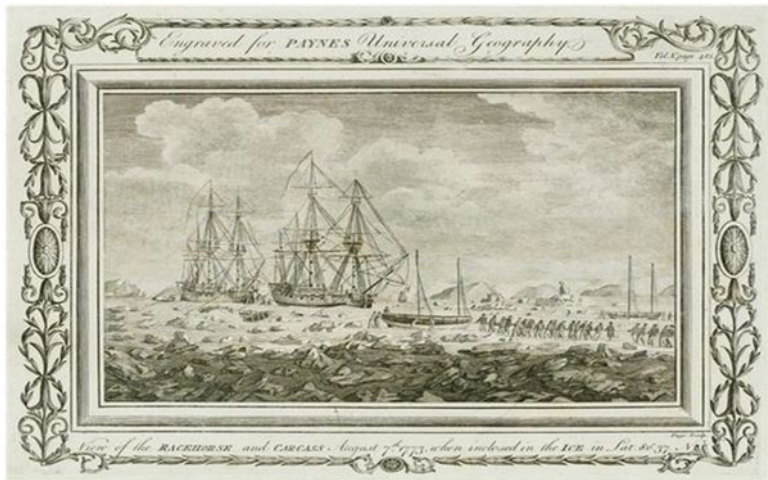
Изо дня в день, из месяца в месяц мудрый Морис Саклинг готовил из племянника будущего офицера. Надо сказать, что зерна знаний, столь умело бросаемые дядей, падали на самую благодатную почву. Нельсону все больше и больше нравилась морская служба, он старался постичь все ее тонкости, не жалея для этого ни сил, ни времени.

Однако нельзя стать настоящим моряком, не побывав в дальних плаваниях, а потому капитан Саклинг начал при-

смаатривать для Нельсона поход, который смог бы его многому научить. И такой случай вскоре представился.

* * *

Еще с осени 1772 года среди моряков британского флота поползли слухи о планируемой Королевским обществом (так именовалась в восемнадцатом веке Британская академия наук) полярной экспедиции. Помимо некоторых научных исследований цели экспедиции были сугубо практическими: изучить возможность плавания в летнее время за полярным кругом и возможность проникновения северным путем мимо северной оконечности Америки в Тихий океан. Для участия в экспедиции в Портсмуте снаряжались два больших бригаа «Рейсхорс» и «Каркас». Однако когда капитан Саклинг обратился с просьбой об устройстве племянника к своему другу капитану Лютвиджу, назначенному командовать «Каркасом», тот сообщил, что Адмиралтейством принято решение не брать подростков в полярную экспедицию ввиду ее трудности.

Бриги «Рейсхорс» и «Каркас» во льдах.

Впоследствии Нельсон вспоминал: «Ничто не могло остановить меня; я использовал все средства, чтобы заинтересовать капитана Лютвиджа, и просил его взять меня рулевым, поскольку считал, что могу заменить любого матроса».

В конечном счете всё решили обширные связи дяди Мориса. Саклинг съездил в Лондон, переговорил там с кем надо, и в виде исключения разрешение на участие Нельсона в экспедиции было дано.

Летом 1773 года полярная экспедиция под командованием капитана Константина Фиппса покинула берега Англии. В составе экипажа брига «Каркас» был и четырнадцатилетний Горацио.

Увы, но парусным бригам оказались не по силам возложенные на них задачи. Время покорения Арктики еще не пришло, как не настала еще эпоха пара и электричества, с помощью которых стало возможным идти к Северному полюсу.

Суда английской экспедиции смогли продвинуться лишь на десять градусов севернее полярного круга, когда путь им преградил непреодолимый ледовый барьер. Начали нервничать даже выдавшие виды гренландские лоцманы, которые еще никогда не забирались так далеко на север. При очередной подвижке льда оба брига оказались окруженными со всех сторон огромными ледовыми полями. Теперь впору было думать не о покорении северных широт, а о спасении судов и людей. Дни шли за днями, лето было уже на исходе, а суда по-прежнему находились в ледовых тисках, которые с каждым днем сжимались все крепче. Когда закрылся последний проход, матросам было велено рубить во льду канал шириной в двенадцать футов. Работа эта была изнурительная: вначале часть команды прорубала канал, затем остальные за якорный канат подтягивали корабль на несколько десятков метров, затем операция повторялась. Работали все. Помогал тащить судно и тщедушный Нельсон. По ночам лед грохотал и скрежетал, а наутро взору мореплавателей представляли все те же огромные, нависающие над палубой торосы.

Понимая, что в любой момент может произойти непоправимое, капитаны велели грузить судовые баркасы всем необ-

ходимым, а командам быть готовым в любой момент покинуть суда. Усилены были и ночные вахты.

В одну из таких вахт Нельсон и «отличился». Стоя вперёдсмотрящим в туманную погоду, Горацио внезапно увидел почти рядом с бортом большого белого медведя. Не раздумывая долго, Нельсон схватил мушкет и помчался вдогонку за медведем. Вместе с ним увязался еще один молодой матрос. Поступок, прямо скажем, отчаянный до безрассудства. Во-первых, мальчишки могли просто заблудиться в тумане и не найти дороги обратно к судну, во-вторых, могли провалиться в полынью, в-третьих, наконец, легко могли стать жертвой того самого медведя, за которым погнались.

При смене вахты пропажа вахтенных обнаружилась. О случившемся было немедленно доложено капитану. Посылать людей на поиск в тумане было бесполезно, а потому решили ждать. Час проходил за часом, но ушедшие всё не возвращались. Лютвидж нервничал: что скажет он Саклингу, если Нельсон не вернется?

Наконец около четырех часов утра туман внезапно рассеялся и с обоих судов отчетливо увидели вдалеке две маленькие фигурки, во всю прыть догонявшие огромного медведя. Прогремел выстрел, но медведь не замедлил своего движения, даже не обернулся на преследователей. Как оказалось, произошла осечка, только порох вспыхнул на ложе. Теперь, казалось бы, можно было прекратить погоню, но не тут-то было! Собравшимся у бортов морякам было хорошо видно,

что Нельсон размахивает мушкетом, держа его за приклад, он хотел во что бы то ни стало догнать хозяина Арктики. Это было настоящим безумием. При этом, подбадривая себя и товарища, Горацио выкрикивал что есть мочи:

– Сейчас шарраху его по башке – и он будет наш!

К счастью, на пути храбрецов попала большая полынья. Медведь пустился вплавь, а преследователям оставалось только стоять на кромке льда и выкрикивать ему вслед обидные ругательства.

Лютвидж распорядился выстрелить из пушки. Выстрел окончательно напугал медведя, и он скрылся из виду. А горе-охотники повернули обратно.

Едва Нельсон с товарищем вступили на палубу «Каркаса», на них обрушился весь гнев капитана. К чести Нельсона, он взял всю вину на себя. Как говорил впоследствии капитан Лютвидж, ругая Нельсона, в душе он восхищался смелостью подростка. Но в тот момент Горацио пришлось выслушать много не слишком приятных слов и вполне справедливых упреков. На вопрос: для чего ему вообще нужен был этот медведь – Нельсон честно ответил:

– Сэр! Я хотел подарить его шкуру своему отцу и порадовать его!

– Главной радостью для твоего отца будет известие, что ты остался живым после этой охоты! – уже без всякой злости буркнул Лютвидж и ушел в свою каюту.

Вечером за ужином в кают-компании, где офицеры суд-

на живо обсуждали утреннее происшествие, Лютвидж сказал во всеуслышание:

– Помяните мое слово, господа, но этот мальчишка обязательно прославится на весь мир!

После медвежьей охоты Нельсона определили в командиры шестивесельного яла. Теперь в подчинении у юного моряка была своя собственная команда в двенадцать взрослых моряков. По этому поводу Горацио хвастался в письме домой: «Я с гордостью сознаю, что могу командовать лодкой лучше, чем кто-либо другой».

Тем временем руководители экспедиции решали сложный вопрос: пробиваться ли к чистой воде или готовиться к зимовке во льдах. И то и другое было сопряжено с большими трудностями и риском. Голосованием решено было пробиваться на чистую воду, так как англичане опыта полярных зимовок еще не имели и до этого в английском флоте все попытки пережить полярную зиму неизменно кончались трагически.

Константин Фиппс разработал детальный план спасения обеих команд при возможной гибели судов от сжатия льдами. Наряду с этим продолжалась безостановочная упорная работа по продвижению судов в прорубленных каналах. И упорство всех членов экспедиции было вознаграждено! В один из дней посланные на разведку матросы принесли радостное известие, что за ближайшей грядой торосов видна чистая вода. Теперь суда и груженные припасами баркасы та-

щили с удвоенной силой. Минуло еще три тяжелейших дня, пока оба судна были выведены из ледового плена. Затем последовало не менее опасное плавание среди ледовых полей, и вот, наконец, впереди до самого горизонта простиралось долгожданное чистое море. В бухте Смиренберг суда экспедиции бросили якорь и команды несколько дней отсыпались и отъедались. Только после этого был продолжен путь к берегам Англии.

Научные и практические итоги английской полярной экспедиции 1773 года ничтожны, она практически не упоминается как заслуживающая внимания исследователей Арктики ни в одном солидном географическом издании. Наибольшую пользу из этого полярного плавания извлек, пожалуй, только ее руководитель капитан Константин Фиппс, чья карьера сразу резко пошла вверх: за руководство экспедицией капитан Фиппс вскоре получил титул лорда Малгрейва.

Что до британской военно-морской литературы, то она почти официально извещает читателей, что главное значение для Британии полярная экспедиция 1773 года имела как школа возмужания ее национального героя Нельсона. Возможно, что так оно и оказалось впоследствии, однако думается, это был далеко не самый дешевый способ организовать практические учения для будущего флотоводца.

Что касается Горацио, то полярные приключения закалили его и он теперь жаждал новых плаваний и новых подвигов. Теперь он стал, как и его товарищи по плаванию, об-

ладателем шутливого, но весьма почетного титула «Синий нос» – так в британском флоте величали участников полярных походов. Едва отдышавшись, он прослышал о готовящемся плавании к берегам Индии отряда английских кораблей и решил любой ценой попасть на один из них. Об этих днях он впоследствии напишет: «Ничто менее значительное не могло меня хоть как-то удовлетворить. Дальнее плавание было для меня морской наукой».

* * *

Устроить племянника на хорошее судно и к хорошему капитану снова взялся безотказный дядюшка Морис. Авторитет и знакомства капитана Саклинга сделали свое дело, и вскоре мичман Нельсон уже был внесен в судовые списки 20-пушечного брига «Сихорс». Во главе уходящей эскадры был поставлен опять же старый друг капитана Саклинга сэр Эдвард Хьюз, один из самых хитрых и предприимчивых адмиралов за всю историю британского флота. За время своей морской службы на трофеях и призах Хьюз сколотил фантастическое состояние. Своему пасынку он оставил невероятное по тем временам наследство – более четырехсот тысяч фунтов стерлингов! Хьюз был признанным счастливым, и плавать с ним любили все – от офицеров до последнего матроса. Рядом с обогатившимся начальником неплохо себя чувствовали в материальном отношении и подчиненные.

В ноябре 1773 года бриг «Сихорс» покинул Спитхедский рейд вместе с фрегатом «Солсбери», на котором развевался контр-адмиральский флаг Хьюза.

Плавание складывалось успешно. Когда суда проходили мыс Доброй Надежды, Нельсон уже сдал экзамен на матроса 1-го класса. Теперь он учился вести вахтенный и навигационный журналы. Во время похода «Сихорс» столкнулся с пиратским судном, обменялся с ним пушечными залпами, и оба судна благополучно продолжили свой путь. При всей своей незначительности именно этот эпизод стал первым боевым крещением молодого Нельсона.

Капитан «Сихорса» Фармер отличался весьма крутым нравом. Именно на борту его брига Горацио стал свидетелем избиения матросов. Провинившихся привязывали и хлестали кожаными плетями-кошками со свинчаткой на конце.

В январе 1775 года отряд Хьюза прибыл в Мадрас. Там суда взяли на борт восемьдесят девять ящиков местных драгоценных камней, их надлежало переправить в Англию под охраной пушек «Солсбери». Фрахт еще больше обогатил и так сказочно богатого контр-адмирала.

Почти год Нельсон провел в плавании по Индийскому океану. За это время тщедушный мичман возмужал, вытянулся и окреп. Однако климат оказался вреден для Горацио, и в конце 1775 года его свалил приступ лихорадки. С каждым днем состояние молодого мичмана ухудшалось. Консилиум врачей, осмотревший Нельсона, вынес решение о его

немедленной отправке в метрополию. Больного мичмана доставили на судно «Дельфин», уходившее с грузом в Англию. При этом Нельсон был настолько слаб, что врачи сообщили капитану «Дельфина» Джеймсу Пиготу:

– Юноша очень слаб, потому будьте готовы, что он не дотянет до берегов Англии!

К счастью для Нельсона, капитан Пигот в свое время плавал вместе с его дядей Саклингом, а потому окружил полумертвого юношу своей заботой. Если тогда Нельсон и выжил, то только благодаря капитану Пиготу.

Обратное плавание длилось более полугода. Приступы лихорадки сменялись у Нельсона долгими периодами депрессии. Но болезнь понемногу начала отступать, и к концу плавания Нельсон выглядел уже вполне здоровым. Годы спустя он вспоминал, как состояние безысходности сменялось у него тогда периодами восторженного подъема: «Сначала меня донимало чувство, что я ничего не добьюсь в своей профессии. Голова шла кругом от тех трудностей, которые мне придется преодолеть, интерес к службе почти пропал. Я не видел способа достижения своей цели. После долгих мрачных раздумий и даже желания выброситься за борт во мне вдруг зажглось пламя патриотизма: я представил себе, что мне покровительствует сам король и вся страна. «Ну что ж, – воскликнул я, – я стану героем, и Провидение поможет мне преодолеть любые опасности!»

Уже будучи адмиралом, в разговоре со своим любимцем

капитаном Харди Нельсон не раз вспоминал о некоем видении, которое предстало перед ним на пути из Индии. Это был, по словам Нельсона, «некий свет, нисходивший с неба, сверкающее светило», появившееся перед ним и зовущее к славе и триумфу.

Трудно сказать, повезло Нельсону или нет, но он убыл из Ост-Индии за три года до того, как в ее водах началась знаменитая кампания французского адмирала Сюффрена, одержавшего подряд несколько блестящих побед над англичанами, в том числе при Пондишери, Прайя, Садрасе и Тринкомале. Возможно, останься Нельсон в Индии, он уже тогда приобрел бы прекрасный боевой опыт.

* * *

По прибытии на родину Нельсона ждало приятное известие: его любимый дядя Морис Саклинг стал главным ревизором Королевского флота, а следовательно – одним из первых лиц в нем. В руках главного ревизора были все флотские финансы, а что это значило, объяснять, думается, излишне. Что касается Нельсона, то для него новая дядюшкина должность могла обернуться новыми выгодными назначениями и стремительной карьерой.

Надо оговориться, что в период мирных передышек английский флот сразу же значительно сокращался из соображений экономии государственных средств. Многие офице-

ры сразу же оказывались не у дел и влачили нищенское существование на половинное жалованье в томительном ожидании новой войны, которая вновь призовет их под военно-морской флаг, поможет продвинуться по службе, отличиться и разбогатеть. А поэтому, честно говоря, у прибывшего из Англии мичмана никаких шансов на назначение не было вообще. Незадолго до возвращения Нельсона произошло восстание Северо-Американских штатов, потребовавших независимости от Лондона. Ходили слухи, что на стороне восставших штатов выступит Франция, но Версаль пока отмалчивался.

Пока толпы претендентов на корабельные должности осаждали Адмиралтейство, все вопросы за племянника решил дядя Морис. Уже через два дня после возвращения мичману Нельсону было предложено явиться на 64-пушечный линейный корабль «Вустер», который готовился конвоировать торговые суда от Англии до Гибралтара и обратно. Назначен же Нельсон был уже четвертым лейтенантом, то есть становился полноправным вахтенным начальником, хотя все еще не имел офицерского чина. О таком назначении можно было только мечтать, ведь помимо превосходной практики члены экипажа еще и неплохо зарабатывали на отчислениях хозяев торговых судов за охрану.

Мозаика в аббатстве Ингресс: стилизованный линейный корабль «Вустере» 15

Всю осень и зиму Нельсон провел в море на «Вустере», который нес патрульную службу и сопровождал бесконечные торговые караваны. Как и во всех предыдущих случаях капитан «Вустера» Марк Робинсон оказался старым другом дяди Мориса и поэтому относился к Нельсону гораздо внимательнее, чем ко всем другим мичманам. Впрочем, и Нельсон служил, как всегда, истово, стараясь быть во всем впереди остальных. Вскоре капитан Робинсон доверил молодому мичману самостоятельное несение ходовой вахты. Это было огромным доверием, так как даже на небольших судах са-

мостоятельную вахту несли только лейтенанты, а здесь под полное подчинение Нельсону отдавался целый линейный корабль! Но Робинсон был не только опытным капитаном, но и не менее опытным воспитателем. Он знал, что делал, и был уверен, что молодой и смысленый мичман с его служебным рвением полностью оправдает оказанное доверие.

Об этом весьма знаменательном факте своей биографии Нельсон написал впоследствии следующее: «Из-за моего возраста мне могли не разрешить вахтенную службу, но капитан Робинсон неоднократно говорил, что он так же спокоен, когда я на палубе, как при любом другом вахтенном офицере».

* * *

Весной 1777 года Горацио Нельсон прибыл в Лондон для сдачи экзаменов на чин лейтенанта. Согласно установленным правилам баллотировки в чины экзаменационная комиссия должна была состоять из трех опытных капитанов. Комиссию совета Адмиралтейства, которой предстояло принимать экзамены у Нельсона, возглавлял... его любимый дядюшка Морис.

О сдаче Нельсоном экзамена в Англии написано много. При этом в ходу весьма трогательная история о том, что ни племянник, ни его дядя знать не знали, что один из них будет сдавать, а другой принимать экзамен. И это при том, что от

итогов данного экзамена зависела вся последующая карьера Нельсона.

Вот как описывает этот факт биографии Нельсона его соотечественник и биограф Г. Эджингтон: «Морис Саклинг... скрыл, что состоит в родстве с экзаменуемым. Сначала речь Горацио была слегка сбивчива, но, когда волнение прошло, он стал говорить быстро и четко, показав незаурядные способности.

Нельсон блестяще сдал экзамен, и только тогда дядя признался коллегам, что это его племянник. Почему же он не сообщил об этом раньше? – удивились они. «Я не хотел для него никаких поблажек, – объяснил Саклинг. – Был уверен, что он выдержит экзамен и без моей помощи. И как вы убедились, джентльмены, он меня не разочаровал».

Зная, как опекал капитан Саклинг своего племянника, в случайность встречи на экзаменах, как и в его равнодушно-пассивное поведение во время экзамена не слишком-то верится. И вот почему.

Во-первых, курсируя между Англией и Гибралтаром, Нельсон вполне мог сдавать экзамены на чин не самой придирчивой комиссии совета Адмиралтейства в Портсмуте, а куда более снисходительной капитанской комиссии в Гибралтаре. Однако он этого не сделал, и скорее всего потому, что время и место сдачи экзамена были заранее оговорены с дядей, а в Гибралтаре дяди не было и местные капитаны вполне могли провалить никому не известного мич-

мана. Помимо всего прочего, капитан Саклинг вообще мог войти в состав приемной комиссии с одной лишь целью – помочь своему любимцу. Во-вторых, как известно, экзаменатор знает множество способов помочь экзаменуемому: это наводящие и дополнительные вопросы, это и доброжелательный тон, и масса других весьма важных мелочей. В-третьих, само присутствие в приемной комиссии дяди устраняло излишнюю нервозность, делало обстановку для Нельсона почти домашней.

Кроме того, будучи председателем комиссии, капитан Саклинг все равно имел право решающего голоса, к которому, разумеется, прислушались и остальные члены комиссии, для которых сидение на экзаменах было не таким уж привлекательным делом.

Любопытен и следующий факт: согласно правилам британского Адмиралтейства возрастной ценз на производство из мичманов в лейтенанты был установлен в двадцать лет. Нельсону же на момент сдачи экзамена было всего восемнадцать, и никаких выдающихся подвигов к этому моменту он еще не совершил. Кто же и каким образом смог обойти обязательные для всех правила? Ответ на этот вопрос, думается, совершенно ясен. Для того чтобы решить весьма непростую задачу досрочного производства Нельсона в офицеры и обеспечить тем самым ему значительную фору в продвижении по службе перед сверстниками, дядя Саклинг, безусловно, подключил все свои связи. С молчаливого согласия дя-

ди Нельсон переделывает свои документы и прибавляет себе более полутора лет. Так что историю о случайной встрече дяди и племянника на экзаменах можно считать не более чем легендой.

После экзамена Нельсон уже не возвращается на порядком надоевший ему «Вустер», а сразу же получает назначение на фрегат «Ловестов» под командованием капитана Вильяма Локера. И здесь, разумеется, вновь не обошлось без заботливого дядюшки. Французский биограф Нельсона Ж. Гравьер пишет об этом так: «С этим патентом (имеется в виду патент на лейтенантский чин. – *В. Ш.*) он мог еще долго прождать лейтенантского чина, но, к счастью, дядя его, капитан Саклинг, был назначен контролером флота и легко выхлопотал племяннику своему чин, о котором многие мичманы английского флота вздыхают напрасно целую жизнь».

Назначение на «Ловестов» было весьма выгодным, так как фрегат должен был отплыть в Вест-Индию, где ему предстояло перехватывать американские коммерческие суда и мешать судоходству Североамериканских штатов. А это сулило богатые призы и хорошие деньги. Помимо этого, там можно было быстро продвинуться и по службе.

Дело в том, что к этому времени североамериканские колонии Англии решили сообща отделиться от метрополии. Возглавивший восстание фермер Вашингтон объявил об образовании независимых Северо-Американских штатов. Англия перебросила на Американский континент дополнитель-

ные войска, и с 1774 года там началась настоящая война. Американцев немедленно поддержала Франция, искавшая любую возможность навредить своей соседке. Французов немедленно поддержала и Испания. Регулярного военно-морского флота у американцев не было, зато в достатке было предприимчивых купцов, торговавших с Европой. Чтобы подорвать экономику восставших, следовало блокировать их порты. Именно для этого в Вест-Индию и перебрасывались новые эскадры.

Однако и англичанам пришлось несладко. Воспользовавшись мятежом в Америке, против Англии выступили Франция и Испания. Война из колониальной быстро переросла в войну европейского масштаба.

Попасть на боевые суда, готовящиеся к отплытию в Вест-Индию, было в те дни заветной мечтой каждого английского моряка. Предстоящая кампания обязательно должна была сопровождаться многочисленными захватами американских торговых судов и, как следствие этого, большими призовыми деньгами. Воображение всех моряков от капитанов до простых матросов волновал захват испанского золотого галеона «Гермион», случившийся в 1762 году. Тогда золота в трюмах испанца оказалось столь много, что его едва смогли сосчитать. Каждый матрос из участвовавших в захвате судов получил почти по пятьсот фунтов стерлингов (и это при обычном ежемесячном заработке в 25 шиллингов!). Что касается адмирала, то его куш составил целое состояние – шесть с

половиной тысяч фунтов стерлингов. Весьма состоятельными людьми стали также все капитаны и офицеры. Рассказы о счастливых «Гермиона» действовали возбуждающе, все горели желанием попытаться счастья на Карибах, но назначение на уходящие суда получали только те, у кого были немалые связи во флотских кругах.

Перед отплытием «Ловестова» офицеры в кают-компании дружно поднимали традиционный тост: «За кровопролитную войну и сезон, несущий болезни!» Смерти и болезни одних облегчали восхождение по служебной лестнице другим. Таковы были тогдашние правила игры...

В самом радостном настроении Горацио пишет письмо своему другу и брату Уильяму, который, решив пойти по стопам отца, в то время учился на богослова в Крайстс-колледже Кембриджского университета: «Девятого числа сего месяца я сдал экзамен на звание Магистра искусств и на следующий день получил назначение на отличный фрегат, оснащенный тридцатью двумя орудиями. Итак, я брошен в жизнь, где буду сам пробивать себе дорогу. Надеюсь преуспеть в этом, а значит – заслужить уважение для себя и своих друзей».

Сразу же после сдачи экзамена Нельсон заказал художнику свой портрет. Этот первый из портретов будущего флотоводца сохранился до наших дней. На нем Нельсон запечатлен без всех своих будущих увечий, его лицо выражает твердость и уверенность в правильности избранной им стези. Он

твёрдо знает, чего хочет, и верит, что добьётся своего.

Так для Горацио Нельсона закончилась юность и наступила пора возмужания.

Глава вторая

От лейтенанта до капитана

Вест-индский театр военных действий, на который попал лейтенант Нельсон, был весьма сложен в политическом отношении. Дело в том, что, поднимая восстание против Англии, Северо-Американские штаты рассчитывали прежде всего на военную помощь ее давней соперницы Франции, которая не собиралась оставаться в стороне и желала извлечь собственную выгоду из английских трудностей. Не осталась в стороне от конфликта метрополии со своими колониями и Испания. Против 130 британских линейных кораблей союзники были готовы выставить 170 судов. И хотя война еще не была объявлена, французские и испанские эскадры уже всю бороздили карибские воды. Помимо них там было полным-полно всевозможных пиратов, каперов и просто хорошо вооруженных частных судов, которые только и ждали случая, чтобы ввязаться в драку. А потому любая встреча в море могла обернуться боем, а любой заход в малознакомый порт – захватом судна. Красота Карибов была вызывающая и обманчива, ибо опасность поджидала мореплавателя на каждом шагу.

Фрегат «Ловестов» оставил берега Англии, чтобы усилить британский флот в американских водах. Началась беспокой-

ная служба по блокаде восставших колонистов. Вскоре Нельсону выпал случай отличиться. При задержании очередного вооруженного торгового судна капитан Локер приказал одному из лейтенантов отправиться на него с досмотром. Однако тот замешкался, ибо погода была штормовая.

– Неужели на всем судне нет офицера, кто решился бы добраться до купца? Или мне самому брать этот приз? – гневно вскричал Локер.

Тотчас вперед шагнул Нельсон:

– Сейчас моя очередь, а если я струшу и вернусь, то наступит ваша!

С этими словами он спрыгнул в шлюпку и, несмотря на огромные волны, вскоре был уже возле чужого судна.

Храбрость юного лейтенанта пришлась по душе Локеру, и когда некоторое время спустя он подыскивал кандидатуру на должность капитана небольшой шхуны, то отдал предпочтение перед всеми остальными Нельсону. Командуя «Маленькой Люси» (так называлась шхуна), Нельсон вскоре уже свободно ориентировался среди бесчисленных островов Карибского моря.

Спустя месяц после прибытия «Ловестова» в Вест-Индию до Нельсона дошло печальное известие о смерти Мориса Саклинга. Это было ударом для Нельсона, и не только потому, что он лишился любимого дяди, но и потому, что отныне он мог рассчитывать только на себя.

Однако друзья дяди не оставили Нельсона без поддержки.

Капитан Локер представил лейтенанта главнокомандующему британским флотом в американских водах адмиралу Питеру Паркеру. Так Нельсон стал третьим (младшим) лейтенантом на флагманском корабле Паркера «Бристоль». Свою должность на «Ловестове» он передал одногодку и товарищу лейтенанту Катберту Коллингвуду, который отныне и до самой кончины Нельсона будет буквально идти по его следам.

Флагманский корабль П. Паркера «Бристоль» (справа) 1780

Команда «Ловестова» относилась к молодому лейтенанту с уважением, а поэтому, когда Нельсон покидал фрегат, матросы преподнесли ему на память шкатулку из слоновой кости для хранения домино, выполненную в виде их фрегата.

Такого знака внимания со стороны команды достаивались в те времена далеко не многие из офицеров.

Адмирал Питер Паркер, как и большинство капитанов, под началом которых до этого служил Нельсон, также состоял в свое время в самых дружеских отношениях с покойным Саклингом, а потому Нельсон был принят в его доме на Ямайке как родной. Шефство над юным офицером взяла супруга адмирала леди Паркер.

Неудивительно, что вскоре Нельсон был уже первым (старшим) лейтенантом на «Бристоле». Однако вполне возможно, что вскоре Нельсон пожалел, что поторопился уйти с «Ловестова». Дело в том, что фрегат принял участие в исключительно удачном рейде на испанский порт Омоа в Гондурасском заливе, где захватил целый караван испанских судов, груженных золотом и серебром, который готовился к переходу на Кубу. Капитан Локер оправдал свое прозвище удачливого капитана! Доля призовых денег была столь велика, что богачами стали даже матросы, не говоря уже об офицерах. Для весьма стесненного в средствах Нельсона участие в рейде могло бы стать настоящим подарком судьбы, но, увы, в этот раз он остался без денег. Надо думать, что Нельсон весьма переживал такую гримасу судьбы.

Автор исторического труда о войне Англии с Северо-Американскими штатами Том Покок так характеризует мечты британских офицеров того времени: «...Разговоры об испанских материковых владениях и о гватемальском золоте

повернули мысли в сторону создания состояний. Для флотских и армейских офицеров, большинство из которых избрали свою профессию в надежде укрепить свое финансовое положение и сделать служебную карьеру, Ямайка была тем местом, которое стимулировало подобные мечты».

Что касается Нельсона, то уже в декабре следующего, 1778 года он становится командером¹ и получает назначение капитаном на бриг «Бэджер», который был назначен охранять обосновавшихся на восточном берегу² Латинской Америки переселенцев от нападения американских пиратов. Командеру нет и полных двадцати лет, и он полон надежд на блестящее будущее.

«Пьем за здоровье новой медной иконы!» – таким был первый тост во время дружеской вечеринки по случаю получения Нельсоном нового чина. Медными иконами в британском флоте шутливо именовали командеров за их золотые позументы.

«И пусть эта медная икона никогда не заржавеет!» – сразу же последовал и второй традиционный тост, означающий, что новоиспеченному командеру все желают не погибнуть в бою и не умереть от болезней.

Командер – это еще не реестровый капитан, но уже дале-

¹ К о м м а н д е р – в британском флоте офицерский чин, следующий за чином лейтенанта и предшествующий чину реестрового капитана. (Здесь и далее примечания автора).

² Сейчас это побережье Мексики, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики.

ко не рядовой лейтенант. В военное время командеры пользуются всеми капитанскими правами. В случае же гибели, ранения или болезни кого-либо из капитанов именно из командеров подбирается замена.

Служба по охране побережья была достаточно беспокойной. То и дело приходилось гоняться за судами контрабандистов, которых было вокруг видимо-невидимо. При этом их капитаны шли на все, чтобы спрятать судовые документы. Однажды Нельсону пришлось в течение трех суток искать бумаги, пока в конце концов они не были обнаружены в чем-то старом башмаке.

Адмирал Хайд Паркер младший (1739–1807)

Случались дела и поопаснее. В один из дней стоянки «Бэджера» в заливе Монтего внезапно загорелся стоявший там же бриг «Глазго». На бриге началась паника, матросы стали выпрыгивать за борт. Увидев это, Нельсон действовал быстро и решительно. Он прибыл в шлюпке на горящий бриг, где велел немедленно выбросить за борт все запасы пороха (чтобы уменьшить риск взрыва) и поднять стволы пушек вверх (чтобы в случае самопроизвольных выстрелов никого не покалечило).

Как было признано впоследствии, эти меры спасли немало жизней, так как рядом с «Глазго» стояло на якорях много судов. Сам же Нельсон писал об этом так: «Капитан “Глазго” Томас Ллойд подтвердит, что благодаря нашим усилиям вся команда была спасена от огня».

В должности командера, впрочем, Нельсон не задержался. Когда в июне 1779 года случайным выстрелом был убит капитан фрегата «Хинчинбрук» и требовалось срочно найти ему замену, адмирал Паркер сразу же определил на открывшуюся вакансию своего любимца. На должность же Нельсона был определен уже знакомый нам лейтенант Коллингвуд.

* * *

Так, имея всего двадцать лет от роду, Нельсон стал капи-

таном. Отныне карьера ему была уже обеспечена. Дело в том, что по существовавшим в то время в английском флоте законам офицеры могли получить следующий чин независимо от того, когда получили этот же чин другие офицеры, то есть вне очереди, но только до капитана включительно. Далее вступало в силу правило, изменить которое не мог уже никто: капитаны получали следующий чин – вплоть до адмирала – исключительно в порядке очереди. Никто не в силах был помочь самому талантливому капитану стать адмиралом вне общей очереди, однако никто не мог и помешать ему стать адмиралом, когда наступит его очередь.

Капитан (нач. XIX в.)

А потому с получением капитанского чина Нельсон встал в общую капитанскую очередь, которая рано или поздно (если только хватит здоровья) должна была привести его к адмиральским высотам, ибо никто из молодых офицеров не мог уже никогда его обогнать. Отныне он начинал неуклонное движение к адмиральскому чину, и остановить его могла только смерть.

(Нельсон будет дожидаться своего первого адмиральского чина целых восемнадцать лет. Однако в силу того, что он стал капитаном значительно раньше своих сверстников, он все же станет контр-адмиралом в тридцать восемь лет, в то время как его не менее известные современники Джервис и Коллингвуд только к пятидесяти годам.)

Такой же принцип продвижения по службе существовал в ту пору в подавляющем большинстве европейских флотов, включая и российский. Для своего времени такой порядок был достаточно прогрессивным, ибо в отличие от армии, где чины весьма часто давались исключительно по протекции, способствовал тому, что адмиралами становились достаточно опытные и дельные капитаны. Помимо этого принцип старшинства способствовал упрочению товарищеских уз и обеспечивал уверенность капитанов в завтрашнем дне. Любопытно, что если все же возникала необходимость присвоить адмиральский чин капитану вне очереди, то, чтобы не

нарушать правила, в Англии адмиральский чин присваивали всем тем капитанам, кто должен был получить его в порядке старшинства. В британском флоте предельного штата адмиральских должностей не было, а потому чин зачастую вовсе не был связан с какой-то конкретной должностью. В России, к примеру, наоборот: количество адмиральских должностей, а следовательно, и чинов было строго регламентировано, а потому выход нашли, присваивая капитанам, имеющим право на адмиральское звание при отсутствии штатной вакансии, весьма хитрый чин – капитана бригадирского, а затем и генерал-майорского ранга.

Небезынтересно, что, несмотря на свои прекрасные морские качества, Нельсон до производства в капитаны не участвовал ни в одном бою. И это при том, что английский флот вел в ту пору достаточно активные боевые действия. Однако все это нисколько не помешало ему получить капитанский чин, которого многие достойные боевые офицеры добивались не один десяток лет. Английские биографы Нельсона объясняют этот факт исключительно его высокими личными качествами. Все это, безусловно, присутствовало. Но не только это. Даже после смерти дядюшка Саклинг по-прежнему продолжал помогать своему племяннику: только теперь за него это делали друзья, которых, судя по всему, у главного ревизора британского флота было немало. Именно один из них, адмирал Паркер, и сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить быструю карьеру племяннику своего

умершего друга.

Получив вожденное капитанство, Нельсон написал отцу: «Мы все продвигаемся вверх только с помощью смерти. Выстрел, убивший капитана, предоставил мне эту должность. Весьма искренне надеюсь, что и я покину этот мир таким же путем».

Чего больше в данной фразе – искренности или мальчишеской бравады, сказать трудно. Как знать, может, уже тогда Нельсон предчувствовал, какой будет его смерть...

* * *

Между тем боевые действия уже шли почти по всему миру. В Ла-Манше в июле 1778 года сошлись эскадры адмирала Кеппеля и генерал-лейтенанта д'Орвилье. При равенстве сил англичане вынуждены были оставить поле боя и искать спасения в Портсмуте. Эта первая проба сил вошла в историю как битва при Уэссане. В 1779 году французы и испанцы планировали высадку десанта на английские берега. Но из этого ничего не получилось: союзники так и не смогли договориться между собой, а английская эскадра адмирала Харди, настигнутая было французским флотом, опять спряталась в Портсмуте. В январе же следующего, 1780 года адмирал Родней разгромил испанского адмирала дон Жуана де Лангара, взорвав один и захватив шесть линейных кораблей. В ответ испанцы перехватили и пленили огромный англий-

ский торговый конвой. Вскоре после этого к союзникам при-
мкнула Голландия. Голландская эскадра адмирала Зутмана
также померилась силами с английским адмиралом Парке-
ром. Более трех часов противники шли параллельными кур-
сами и что было силы молотили друг друга из пушек. Ма-
неврировать никто из них даже не пытался. Результатом сра-
жения при Доггер-банке были горы трупов и боевая ничья.
Вскоре после этого союзники все же отбили у англичан ост-
ров Минорку. Однако при Гибралтаре, несмотря на приме-
нение новоизобретенных плавбатарей, были разбиты. В це-
лом в европейских водах ни одна из сторон так и не смогла
добиться полного превосходства над противником.

Тем временем Нельсон продолжал службу в Вест-Индии.
Вскоре после назначения на «Хинчинбрук» ему наконец-то
крупно повезло. В первое же самостоятельное плавание у бе-
регов Америки он захватил несколько груженных судов. При-
зовая сумма, доставшаяся капитану, составила около вось-
мисот фунтов. По тем временам весьма неплохие деньги.
Часть этой суммы Нельсон отослал отцу, что позволило по-
следнему привести в порядок свое весьма запущенное хо-
зяйство. Однако Нельсон все же считает себя обойденным и
мечтает заработать на призах еще не менее тысячи фунтов.

А обстановка в Карибском бассейне к этому времени зна-
чительно усложнилась. Беспрепятственному захвату англи-
чанами американских транспортов пришел конец. В водах
Вест-Индии появилась французская эскадра. Для этого бы-

ли не только политические причины, помимо всего прочего, торговля с североамериканскими колониями приносила немалый доход, а английская блокада грозила огромными финансовыми потерями. Расклад был явно не в пользу Англии. Если до этого момента британский флот лишь блокировал североамериканское побережье и перехватывал контрабанду, то теперь ему предстояло в самое ближайшее время столкнуться сразу с тремя лучшими флотами Европы. Первые же столкновения на море показали, что с союзниками шутки плохи, – англичане терпели одно поражение за другим. Виной тому были догматические правила линейной тактики, сковывавшие действия командующих и не позволявшие им проявлять инициативу. Позор первых морских столкновений вынудил никому не известного портового чиновника Джона Клерка написать и издать книгу «Опыт морской тактики». В своей книге Клерк подверг критическому анализу все устоявшиеся тактические догмы и обосновал, что для решительной победы надо рисковать, добиваясь решающего перевеса на одном из флангов боевой линии. Предложения Клерка обсуждались в корабельных кают-компаниях, вызывая жаркие споры. Принимал участие в этих обсуждениях и Нельсон. Нам не известна его точка зрения, но думается, что он был сторонником самых решительных и активных действий.

Между тем свои споры шли и на лондонском политическом Олимпе. Там всё никак не могли решить, на каком на-

правления сосредоточить главные силы флота.

– Надо бросить ко всем чертям треклятую Северную Америку, от которой только морока и никакой пользы, послать флот и забрать вместо нее у испанцев Южную! – строил планы министр колоний Георг Жермен. – Там необозримые богатейшие страны, и именно там мы сможем создать для себя вторую Индию, а назовем ее Новой Испанией!

Однако прежде чем начать строительство новой южноамериканской империи, следовало нанести поражение франко-испано-голландскому союзу и прежде всего союзному флоту, а сделать это было нелегко. И все же после ряда поражений на североамериканской части материка от повстанческой армии Вашингтона было решено произвести ряд ударов по южным районам. Первый из них надлежало нанести по так называемому Москитному берегу в центральной части Америки, затем по побережью Мексиканского залива в районе французской колонии Новый Орлеан, а потом уже изгнать испанцев из Мексики. Руководить этими операциями было поручено губернатору Ямайки Джону Даллингу, энергичному, но слишком эмоциональному и тщеславному генералу. Карибское море становилось театром самых активных боевых действий.

Но и противник не дремал. Версаль направил к американским берегам мощную эскадру адмирала графа д'Эстена. Начали подтягивать туда свои силы и испанцы. Предполагалось, сосредоточив все силы на Испаньоле (нынешняя

Гаити), нанести удар по Ямайке, чтобы лишить англичан их главной базы в этом регионе.

Предприятие графа д'Эстена имело все шансы на успех. Собранный флот насчитывал 125 боевых и транспортных судов, а экспедиционный корпус – 25 тысяч человек. Этим силам англичане могли противопоставить всего 7 тысяч солдат. Понимая, что защищать Ямайку с такими мизерными силами будет чрезвычайно трудно, адмирал Паркер вынужден был привлечь к обороне и морских офицеров. Так еще не успевший толком принять дела на своем фрегате Нельсон был определен командовать батареями форта Чарльз, прикрывавшими столицу Ямайки Порт-Ройал.

Не надеясь выстоять в схватке с французами, английские офицеры готовили себя к неизбежному плену, а потому в свободное время учили французский язык. Учил французский и Нельсон. Однако английским джентльменам так и не довелось побывать во французском плену. У адмирала д'Эстена безобразно работала разведка, и он не догадывался о слабости противника, а потому так и не решился на нападение. Снова Нельсону не удалось побывать в бою.

Однако боевые действия на этом не прекратились. Получив передышку, англичане решили перехватить инициативу. Генерал-губернатор Ямайки Джон Даллинг решил перейти к наступательным действиям и осуществить давно задуманную экспедицию на Москитный берег. Помимо всего прочего, генерал рассчитывал на помощь со стороны издавна жи-

вущих в тех местах английских поселенцев и настрадавшихся от испанцев местных индейцев, а еще на английскую удачу, ведь именно в этих местах добыл себе славу и золото знаменитый пират Морган!

– Мы отыграемся на испанцах, действуя в их глубоких тылах! – заявил генерал собравшимся у него старшим офицерам. – Готовьте патенты на чины и кошельки для золота!

– Одному Богу известно, что из всего этого получится! – заметил Нельсон, покинув совещание у губернатора.

С целью завоевания плацдарма в Центральной Америке Даллинг решил направить отряд в полтысячи человек. Высадка планировалась в районе нынешней Никарагуа. Поднимаясь по течению реки Сан-Хуан и захватив одноименный испанский форт на реке, англичане должны были дойти до тихоокеанского побережья, перерезав важные коммуникации, связывающие испанские колонии в Центральной и Южной Америке.

План Даллинга был превосходен по замыслу, однако трудновыполним на практике: генерал-губернатор высчитывал все по карте, не принимая во внимание местные условия: трудность продвижения по джунглям, лихорадку и ядовитых змей.

В начале 1780 года Нельсон получает приказание адмирала Паркера перевезти отряд в устье реки Сан-Хуан.

Из воспоминаний командира отряда подполковника Полсона:

«Светловолосый мальчик явился ко мне на небольшом фрегате... В течение двух-трех дней он проявил себя и после этого руководил всеми операциями».

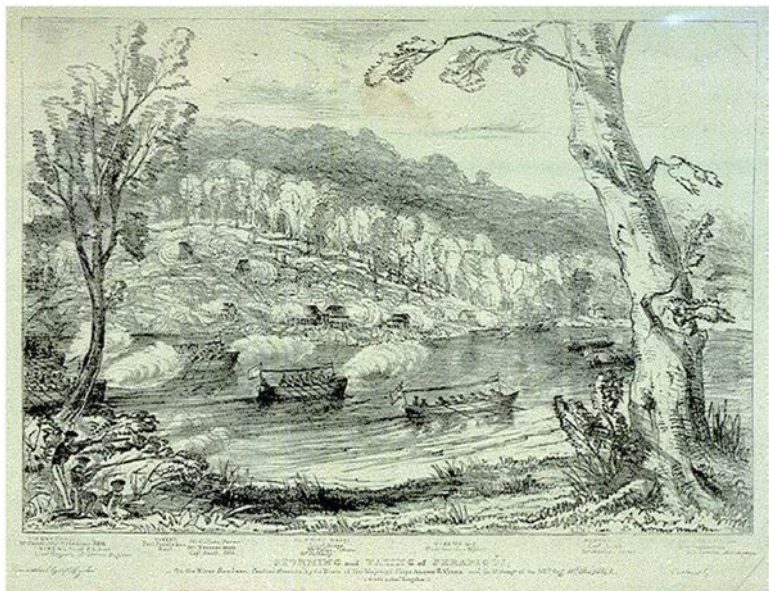
Во главе небольшого отряда транспортов «Хинчинбрук», которым командовал Нельсон, покинул Ямайку. Переход к месту высадки прошел на редкость спокойно. Единственными событиями за время плавания стали смерть от застарелой болезни армейского сержанта, которого тут же и погребли по морскому обычаю, а также публичная порка матроса и морского пехотинца за нерадивость.

Высадив десант, Нельсон должен был вернуться на Ямайку. Но молодой капитан нарушает адмиральский приказ. Факт сам по себе удивительный! Едва став капитаном, в первом же самостоятельном предприятии проигнорировать приказ главнокомандующего! Впоследствии Нельсон оправдывал это своеволие тем, что, высадив десант, узнал: солдаты и армейские офицеры не имеют ни малейшего представления, как плыть по реке. Поэтому Нельсон решает им помочь и самовольно остается при отряде, оставив «Хинчинбрук» без капитана и нескольких десятков матросов, которых взял с собой.

В то, что солдаты и армейские офицеры не умели передвигаться на гребных лодках по реке, не слишком верится. Дело это не столь хитрое для взрослых и опытных мужчин.

Это скорее всего надуманный повод. На самом деле Нельсон просто хотел поучаствовать в настоящих боях и отли-

читься. При этом он был твердо уверен в благожелательном отношении к себе главнокомандующего, которое не могло поколебать даже столь демонстративное неповиновение.

Штурм поселения на реке Сан Хуан со шлюпок 7 марта–30 ноября 1780

А вот мнение на сей счет русского биографа Нельсона В. Трухановского: «Строго говоря, Нельсон допустил самоуправство. Ведь его командование явно исходило из того, что, выполнив поставленную перед ним задачу, то есть до-

ставив суда экспедиции к реке Сан-Хуан, Нельсон вернется на Ямайку на вверенном ему фрегате. Даже в те времена, когда инициатива командиров кораблей из-за отсутствия быстрой связи с начальниками была очень широкой, решение Нельсона, хотя и направленное на пользу делу, выглядело странно. Правда, командование впоследствии не ставило эту акцию в вину Нельсону, но через два столетия историки пытаются разобраться, почему Нельсон поступил таким образом.

Они приходят к выводу, что Нельсон считал речную экспедицию обреченной на провал без его участия. За время похода у него сложились хорошие отношения с подполковником Полсоном и другими офицерами, включая лейтенанта Деспарда. Нельсон, вероятно, рассчитывал, что если это предприятие увенчается успехом, то благоприятные последствия его и слава его участников будут огромны. Его, по-видимому, прельщала мысль, что он, рядовой капитан с Ямайки, будет командовать эскадрой на озере Никарагуа, которую, конечно, придется строить при благоприятном обороте событий. Он скорее всего даже мечтал войти в историю как офицер, который отрезал Северную Америку от Южной и сделал возможным захват Англией Новой Испании. Соблазнительны были еще и вполне возможные призовые деньги: ведь удача обещала огромную добычу».

Вместе с собой Нельсон захватил с фрегата два десятка матросов. Однако высадившихся на Москитном берегу

участников экспедиции ждала первая неприятность: индейцы, посчитав, что англичане приплыли, чтобы обратить их в рабство, разбежались.

Отказались от участия в предприятии и местные английские поселенцы во главе со своим старшиной Лури. Помимо всего прочего, они так и не обеспечили десантников, как было обговорено ранее, лодками и припасами. Пришлось брать таковые с фрегата.

Английский историк Том Покок пишет об этом так: «Постепенно Полсона осеяло, что прибытие регулярных войск на Москитный берег, политически выгодное для Лури, было совсем не желательным для поселенцев, ибо они опасались, что военные станут вмешиваться в их оживленную и доходную контрабандную торговлю с испанцами. Более того, поселенцы всячески запугивали и настраивали индейцев против экспедиции, уверяя, что ее цель – не разграбить испанские поселения, а захватить побольше индейцев, отвезти их на Ямайку и продать там как рабов».

Кроме этого, на редкость неудачно было выбрано и время начала экспедиции. Десант высадился в устье Сан-Хуана в самом конце сухого сезона, в апреле, когда река была еще настолько мелкой, что солдатам пришлось до изнеможения тащить лодки на себе. Как могли на этом этапе экспедиции проявиться морские познания Нельсона, совершенно непонятно.

До глубокой воды добрались только у острова Сан-Бар-

толомео. И сразу же наткнулись на испанское укрепление. Не дав испанцам опомниться, Нельсон повел своих матросов в атаку. Внезапность обескуражила испанцев, и они сдались без всякого сопротивления. Несмотря на то что со стороны противника не было сделано ни одного выстрела, именно атаку Сан-Бартоломео английские историки считают боевым крещением Нельсона и его первым военным успехом. Не страдая излишней скромностью, герой нашего повествования написал об этом бое в письме отцу так: «Я высадился на вражеской заставе... и обеспечил нашу победу».

Справедливости ради необходимо отметить, что о главной роли в захвате испанского редута потомкам известно исключительно от самого Нельсона. Трагическое развитие дальнейших событий привело к тому, что свидетелей того боя, кроме самого Нельсона, в живых не осталось. К тому же вполне вероятно, что немногочисленные испанцы вообще не помышляли о сопротивлении. Именно поэтому они и сдались, едва увидев сотни приближающихся к ним англичан.

Однако главная цель экспедиции – форт Сан-Хуан находился на шестнадцать миль выше по реке. Взять форт следовало любой ценой, ибо он прикрывал дорогу к озеру Никарагуа и городам Гренада и Леон. Не доходя двух миль до форта, нападающие выгрузили с лодок свои припасы и дальше тащили их уже на себе через джунгли. Во время этого тяжелого перехода Нельсон едва не погиб. В гамак, в котором он отдыхал, заползла одна из самых ядовитых местных

змей. Она проползла по лицу безмятежно спавшего капитана и свернулась кольцом в его ногах. На счастье Нельсона, змею вовремя заметили индейцы-проводники, которые осторожно разбудили капитана, а потом убили нарушительницу спокойствия.

Когда англичане подошли к форту, в котором и не догадывались о нависшей опасности, Нельсон предложил командиру отряда атаковать испанцев, используя фактор внезапности. Но тот отказался, побоявшись больших потерь, и начал методично готовиться к штурму. Так были потеряны десять бесценных дней. В это время начался сезон дождей. Люди десятками заболели малярией.

Что касается Нельсона, то он оказался совершенно лишним: его знания военно-морского дела здесь нужны не были. Биографы пишут, что он помогал расставлять пушки. Однако и в этом роль Нельсона не могла быть значительной, ибо он обладал куда меньшими познаниями в деле осады сухопутных крепостей, чем армейские офицеры.

И снова Нельсон был рядом со смертью, когда напился воды из озерца, где плавали ветви ядовитого дерева манцинеллы. Отравление было чрезвычайно сильным, но выручили индейцы, знавшие противоядие. Когда же Нельсон немного оправился от отравления, его свалила сильнейшая дизентерия.

В это время в лагерь доставили приказ адмирала Паркера, чтобы Нельсон немедленно возвращался на Ямайку и при-

нял под свое командование фрегат «Янус», капитан которого умер.

Нельсон покидал лагерь в самый канун штурма. Думается, что ему очень хотелось принять в нем участие, однако второй раз проигнорировать приказ адмирала он уже не решился. Здоровье Нельсона тоже оставляло желать лучшего: с почтового шлюпа на Ямайке его уже сносили на руках.

О том, как далее развивались события возле форта Сан-Хуан, пишет английский историк Г. Эджингтон: «Крепость сдалась после сражения, длившегося несколько дней, на что ушли последние силы осаждавших. Взяв город, они стали его пленниками: большая часть людей заболела смертельной желтой лихорадкой, но в форте не было никакой медицинской помощи. Вокруг была неопишуемая грязь, всюду валялись трупы людей и животных. Когда наконец среди руин организовали госпиталь, не нашлось людей, способных в нем работать, и, кроме того, большая часть лекарств и медицинских принадлежностей оказалась потерянной во время перехода через джунгли. А потом даже захоронение мертвых превратилось в непосильную задачу, тела просто сбрасывали в воду или оттаскивали в джунгли, где они лежали до тех пор, пока за них не брались звери и птицы... Если схватка с испанцами продолжалась всего несколько дней, то на борьбу со страшными тропическими болезнями ушло целых пять месяцев, после чего немногие оставшиеся в живых покорились судьбе. Те пять человек, у которых каким-то об-

разом выработался иммунитет против смертельных тропических хворей, остались в Сан-Хуане в роли символического гарнизона. Они решили охранять форт, пока испанцам не придет охота отбить его в конце сезона дождей. Итак, вся эта операция вылилась в бессмысленную потерю несчастных людей, заброшенных во враждебную страну. В джунглях погибли сотни солдат, доставленных Нельсоном на «Хинчинбруке». Только десяток избежали смерти от «желтого Джека» и других тропических болезней. Если бы Нельсон остался с ними, его слабый, уязвимый организм скорее всего не выдержал бы испытаний, и вовремя присланный с Ямайки приказ спас ему жизнь».

Здесь необходимо отметить следующее. В английском, да и во всех других флотах того времени степень старшинства капитана определялась количеством орудий на его судне. Самые младшие получали под свое начало, как правило, самые слабые суда. На «Хинчинбруке» было установлено 32 орудия. Фрегат этот был не слишком сильный, но ведь и его капитан был, согласно капитанской Табели о рангах, самым молодым не только по возрасту, но и по заслугам. Однако не успел Нельсон даже как следует вступить в командование 32-пушечным «Хинчинбруком», как его уже переводят капитаном на 44-пушечный «Янус». Это было явное повышение в должности. Для такого повышения надо было иметь хоть какие-то заслуги. Увы, таковых у Нельсона пока не наблюдалось. Не считать же заслугами неподчинение адмиральскому

приказу, захват редута, который и не думал сопротивляться, и заболевание дизентерией. А вот повод для недовольства вполне мог быть, ведь в джунглях бесполезно погибли почти все 200 взятых в экспедицию по прихоти Нельсона матросов. Однако ничего подобного не происходит. Нельсона, наоборот, значительно повышают в должности.

На «Янусе» Нельсон так и не появился, лишь формально принял дела. Больной капитан лечился в доме своего благодетеля адмирала Паркера, а леди Паркер лично исполняла при больном роль сиделки. Думается, что госпожа адмиральша занималась выхаживанием далеко не всех подчиненных своего мужа. Чета Паркеров искренне любила Нельсона и считала его едва ли не своим сыном.

Несмотря на всю заботу главнокомандующего и его жены, Нельсон так до конца и не поправился. И без того не слишком сильный организм был очень сильно ослаблен тяжелой болезнью. Кроме этого, в данном районе никаких активных боевых действий уже не планируется. Гораздо меньше стало и возможности обогатиться за счет призов. Американцы и испанцы стали куда осторожнее, и теперь захват даже маленькой шхуны рассматривался как несомненная удача, тогда как годом ранее на нее никто бы и не взглянул. А потому вскоре Нельсон подает прошение об отпуске по болезни.

– Сэр, – просит он адмирала Паркера, – будучи последние месяцы очень нездоров, я прошу вас любезно разрешить мне отправиться в Англию!

Паркер не возражает и подписывает прошение своего капитана.

С первым попутным судном его отправляют в Англию. В своих воспоминаниях Нельсон писал: «Со здоровьем у меня было так плохо, что пришлось отплыть в Англию на “Лайоне” с капитаном Уильямом Корнуоллисом; его внимание и забота спасли мне жизнь».

Капитанский дебют Нельсона оказался, таким образом, достаточно неудачным.

* * *

Добравшись до Англии, Нельсон сразу же отправляется в курортный городок Бат, столь любимый его отцом. Состояние молодого капитана было ужасное: у него на некоторое время даже отнимаются ноги и приходится нанимать носильщиков. Нельсон мучительно переживает свою беспомощность. Лечащий врач, проникнувшийся уважением к молодому капитану, отказался даже от части своего гонорара.

Нельсон в 1781 году. Художник Ф. Риггэйд

Своему бывшему начальнику, а теперь и другу капитану

Локеру Нельсон писал в те тяжелые для себя дни: «Приехав сюда, я был так болен, что не мог сам подниматься с постели и испытывал невыносимую боль при малейшем движении. Однако, благодаря Богу, сейчас я на пути к выздоровлению. Трижды в день принимаю лекарство, столько же раз пью целебную воду, принимаю ванны через день – я уж не говорю о том, что совсем не пью вина, что, по-моему, хуже всего».

Еще одно письмо: «Я отдал бы все, чтобы снова быть в Порт-Ройале. Здесь нет леди Паркер, а слуги не обращают на меня никакого внимания, и я валяюсь как бревно». Выздоровление шло крайне медленно. Однако Нельсон не терял оптимизма. Зимой 11778811 года, едва начав ходить, он уже пишет: «Здоровье мое почти полностью восстановилось, я превосходно владею конечностями, не считая левой руки, – затрудняюсь сказать, что с ней такое. От плеча до кончиков пальцев она как полумертвая, но врачи уверяют, что это ненадолго».

Нельсону нравится в курортном Бате, и он совсем не хочет возвращаться в дождливый Лондон. Брат Уильям зовет его погостить к себе в Норфолк. Дело в том, что перед смертью дядя Морис Саклинг завещал все свое немалое состояние детям покойной сестры. А потому и Уильям, и сестры Нельсона получили весьма приличное наследство и стали достаточно обеспеченными людьми.

Нельсон отказывается от приглашения брата. Понять его

можно. Он по-прежнему самый младший из всех реестровых капитанов флота и к тому же не успел ничем себя проявить. Как знать, может, вот-вот закончится война, а он так и не сможет отличиться. Однако болезнь все еще дает о себе знать.

Кроме этого, Нельсона ждет и новая большая проблема, с которой он никогда раньше не сталкивался. На его просьбу в Адмиралтейство о предоставлении соответствующей должности следует ответ, что для Нельсона нет вакансии. При жизни дяди Мориса такого никогда не могло быть. Ответ из Адмиралтейства – первый звонок, что теперь у Нельсона более нет связей в высших флотских сферах. Теперь он такой же, как и все.

обязательно приеду в Норфолк и проживу до тех пор, пока не получу работу. Когда будешь писать отцу, не передавай ему моих сетований; я знаю, что они его расстроят, и это никому не поможет».

Спустя некоторое время Нельсон все же переезжает к брату. В одной из бесед Уильям доверительно сообщает ему, что решил стать судовым священником. Это приводит Горацио в ужас. Он прекрасно знает, насколько тяжела и неблагоприятна служба священником на английском флоте. Это совсем иное, чем сельский приход с почтительной паствой. На судне священник находится в окружении не слишком-то почитающей Бога публики, которая на полном серьезе верит в то, что присутствие священника на борту обязательно приведет всех к несчастью. Помимо этого, судьба судового священника полностью в руках капитана. Попадется умный и богобоязненный – значит, повезло, попадется жестокий и богохульствующий – не возрадуешься. Да и оклад судовых священников был намного ниже, чем у их береговых коллег. Но сколько ни приводил младший брат аргументов, старший оставался непреклонным и твердо желал пробудить доброе начало в черствых матросских душах. Братья так и не пришли в этом вопросе к согласию. Каждый остался при своем мнении.

Наконец Нельсону предложили должность. Это был 28-пушечный фрегат «Албемарль», старое французское торговое судно, год назад захваченное англичанами и наскоро переоборудованное в крейсер. Разумеется, старик «Албе-

марль» не шел ни в какое сравнение с «Хинчинбруком» и «Янусом», но выбирать не приходилось. Нельсон был рад и этому. Разумеется, он чувствовал себя обиженным, разумеется, он мечтал вновь вернуться на Ямайку под крыло адмирала Паркера, однако Адмиралтейство рассудило иначе, и «Албемарль» был оставлен в северных водах.

К этому моменту обострились отношения между Англией и Данией. Войны еще не было, но оба государства находились в состоянии вооруженного нейтралитета.

Пока старое судно заканчивали переоборудовать в боевой фрегат, здоровье Нельсона вновь ухудшилось. Несколько недель он провалялся в своей каюте, пока понемногу не пошел на поправку.

«Албемарль» был направлен к датским берегам и едва достиг их, как на фрегат прибыл офицер от датского адмирала. На вопрос офицера, что это за судно и с какими целями прибыло, Нельсон гордо заявил:

– Это корабль его величества короля Британии. Вы вольны пересчитать орудия на его борту, и хотя их не слишком много, однако передайте своему адмиралу, что в случае необходимости все они могут отлично стрелять!

С большим трудом Нельсону разрешили сойти на берег. Не теряя времени, он собирал сведения, которые могли пригодиться в случае начала войны между державами. Вскоре «Албемарль» был отозван в Англию.

Плавание по штормовому Северному морю показало низ-

кие мореходные качества старого судна. Из-за явной ошибки в проекте мачты «Албемарля» оказались чересчур длинными, и фрегат был очень неустойчив. Чтобы устранить этот серьезный недостаток, снова пришлось становиться в ремонт. Но даже после него «Албемарль» Нельсону не нравился.

– Строившие судно французы сумели научить его только одному – быстро удирать от врага! – частенько говорил он своим друзьям относительно боевых качеств своего неудачного судна.

Однажды бедняга «Албемарль» едва не погиб. Когда Нельсона не было на судне, внезапно начался сильный шторм. Вдобавок ко всему на «Албемарль» налетело сорвавшееся с якоря ост-индское торговое судно, «Албемарль» тоже сорвался с якоря, и его понесло прямо к коварной мели Гудвинсэндз. В это время Нельсон метался по берегу и сулил любые мыслимые деньги рыбакам, чтобы те доставили его на борт судна. Однако желающих рисковать жизнью в штормовом море не находилось. Наконец один из лодочников согласился доставить капитана за пятнадцать золотых гиней (сумма по тем временам огромная). Добравшись до «Албемарля» и вступив в командование судном, Нельсон успел его спасти от почти неминуемой гибели.

Тем временем французы перебросили к берегам Вест-Индии крупные силы. Во главе их был поставлен толковый и решительный вице-адмирал д'Эстен. В июне 1779 года он нападает на Гренаду и захватывает ее, а затем отбивает нападе-

ние британской эскадры адмирала Байрона (деда знаменитого поэта). Однако вскоре при совместном с американскими повстанцами штурме Саванны д'Эстен был тяжело ранен. В декабре 1779 года храбрый французский контр-адмирал Ля Мот-Пике на рейде Порт-Ройала блестяще отбивает нападение адмирала Паркера на конвой. Затем храбрый Ля Мот-Пике дает еще одно удачное сражение у Сан-Доминго. Не менее удачно действовала против англичан и эскадра контр-адмирала де Гюишена. В помощь французам перебросили в Вест-Индию большую эскадру адмирала Солано и испанцы.

А англичан у американских берегов продолжали преследовать неудачи. Положение дел не смог изменить даже прибывший из метрополии знаменитый адмирал Родней. Первая же его попытка овладеть островом Сент-Винсент закончилась полным провалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.